

Александр Колмогоров

УЩЕЛБЕ

Турок бегал по двору, ловил курицу.

Курица истерично кудахтала, суетливо металась и, наконец, юркнула под навес, в кучу сена.

Турок выругался и достал спички.

Из хижины вышли еще два турка — молодые, веселые. Вынесли ворох одежды, посуду в мешке, скатанный коврик и бубен.

Из подожженного сена выскочили одновременно — курица с кудахтаньем и кричащая от ужаса девушка. Девушка бросилась в хижину. Двое турок побросали наживу и с гиканьем кинулись за ней следом. Поджигатель проводил их завистливым взглядом и снова стал ловить курицу.

Азиз уже проскакал мимо плетня, отделявшего двор от горной дороги, когда увидел, как четверо мужчин из его отряда — с винтовками наперевес — гонят куда-то армян, взрослых и детей. Он спросил, куда это они. В конюшню, ответил тот, что был ближе к всаднику.

— Стойте, — сказал вдруг Азиз, — вон того, беспалого, отдайте мне.

Парни удивились его зоркости и спросили, зачем ему эта армянская свинья с подрубленным копытом.

— Я сам его убью, — сказал Азиз.

Молодой турок подошел к армянину с окровавленным лицом и указал ружьем в сторону всадника на коне.

Мужчина не понял, что от него хотят. Тогда турок схватил его за шиворот и вышвырнул из потной скорбной толпы к копытам коня. Конь тронулся. Мужчина встал и покорно двинулся за ним.

Азиз не оборачивался. Направлял коня вправо от деревни, к ущелью. Остановился только возле обрыва, склон которого порос колючим кустарником. Спешился.

— Ты меня помнишь? — спросил он жестами у армянина.

Тот глядел пустыми глазами сквозь Азиза, сквозь горы, сквозь всю свою жизнь.

Азиз указал плеткой на колено своей правой ноги.

— Смотри сюда. Помнишь?

Армянин молчал.

— Точно не помнишь?

Армянин не пытался понять турка. Хотел только одного — чтобы все поскорей закончилось.

Два месяца назад при охоте на армян внизу, в предгорье, Азиз отстал от отряда. Заблудился. Сначала спокойно шагал от холма к холму. Но когда стало темнеть, холодать и вдалеке послышался волчий вой, он запаниковал: его теплая одежда и винтовка остались на одной из подвод. Сабля против стаи волков — плохая помощница.

В ту ночь он почти не сомкнул глаз. То ложился, пристраиваясь под какими-то кустами, то вскакивал от холода. К утру его трясло, знобило. Он шел, спотыкаясь, не понимая, куда надо идти. В какой-то момент наступил на что-то мягкое. Нога поехала. Он упал и ощутил острую боль над коленом. Машинально провел рукой по тому месту и смахнул с ноги змею.

Прошло какое-то время. Азиз, прислонившийся спиной к валуну, услышал бление овец и какие-то голоса.

Армяне!..

Попытался рывком вскочить с земли и потерял сознание.

Когда Азиз снова очнулся, то ощутил запах кислой овчины, табака и свежего хлеба.

Пошевелил руками: не связаны. Странно...

Приоткрыл глаза. Увидел армянина с ножом.

Застонал, зажмурился, вспоминая начало молитвы. Опять впал в беспамятство.

Ему снилась мечеть. Он видел, как его старый отец молится о его здоровье. И все время повторяет почему-то одно и то же слово: глаза.

Очнувшись, услышал голос, говоривший на каком-то тюркском языке, похожем на турецкий:

— Глаза. Человек. Глаза. Ну кер, гез. Открой глаза, человек.

Азиз разомкнул глаза. Спросил:

— Ты кто?

Старик со слезящимися глазами, говорящий на тюркском языке, кое-как объяснил, что он сосед хозяина хижины, пастуха. Пастух спас Азиза, привез сюда на лошади. Азиз возразил: пастух хотел за-

резать его, но почему-то раздумал. Хочет продать? Сделать рабом? Нет, возразил старик, он лечил тебя. Ножом делал надрез на твоей ноге, там, где укусила змея.

Азиз не поверил. Спросил:

— Ты мусульманин?

Старик кивнул.

— Тогда помоги мне бежать.

— Не надо бежать, — ответил старик, — окрепнешь немного, уйдешь...

Все следующие дни Азиз тревожно следил за происходящим в хижине. Ждал для себя чего-то плохого, страшного.

Но жизнь вокруг текла тихо, однообразно.

Женщина в темной одежде давала ему поесть. Прибегали и убежали дети. Появлялись какие-то люди. С боязливым любопытством разглядывали его. Сам хозяин подходил к нему редко. По вечерам. Говорил о чем-то с женщиной, указывая в сторону Азиза правой рукой, на которой не было указательного пальца.

И вот наступило утро, когда снова пришел старик-мусульманин и сказал Азизу: пора. Объяснил, в каком направлении надо спускаться в долину. Женщина робко сунула ему завернутые в тряпицу хлеб и кусок овечьего сыра.

Азиз спускался по узкой горной тропе и все время оглядывался. Ему не верилось, что армяне отпустили его. Напряженно, тоскливо ждал, что вот-вот прозвучит выстрел, и он скатится вниз, в пропасть.

Но он шел все дальше и дальше, а выстрела не было.

Вместо того чтобы успокоиться окончательно, он вдруг разозлился.

«Зачем, зачем он лечил меня, врага?! Почему отпустил? Если бы он валялся на дороге, я бы добил, зарубил его! Клянусь аллахом! Да меня б засмеяли, стали презирать, если бы я притащил неверного к себе, да еще и лечить его вздумал! Меня бы могли самого за такое убить!.. Он ненормальный, этот пастух».

Так думал Азиз два месяца назад, когда шел к своему отряду, в долину.

Вот и сейчас, стоя на краю ущелья, напротив пастуха, он смотрел ему в заплаканные глаза и снова спрашивал себя:

«Почему этот неверный не убил меня? Почему?»

— Ты меня что, совсем не помнишь? — последний раз спросил он армянина.

Тот молчал.

«Наверное, молится своему богу», — подумал Азиз.

— Смотри, — он поднял ружье стволом к небу и стал жестами объяснять, — сейчас я выстрелю вверх. Ты прыгнешь вниз. Вон туда, с обрыва. Останешься жив — беги дальше, в заросли...

Азиз махнул рукой в сторону дальней рощи.

— Ты меня понял?

Не дождавшись ответа, турок поднял ружье, нажал на курок.

Пастух вздрогнул от выстрела. Попятился к обрыву. Прошептав что-то, прыгнул вниз.

Азиз быстро сел на коня, ударил его плетью.

Когда он снова въезжал в деревню, увидел зарево: горела конюшня. Подъехал к ней.

Сельский дурачок-армянин — в подштанниках, разорванной рубахе, с цветком подсолнуха в руке — плясал, окруженный людьми в фесках. Они хохотали, улюлюкали. Заметив всадника на коне, дурачок подбежал к нему. Ласково мыча что-то непонятное, стал совать цветок. Турки захохотали еще громче.

Азиза это взбесило.

Ему вдруг показалось, что дурачок знает все про него и вот так, по-дурацки, благодарит за спасение неверного. И скоро, совсем скоро всем станет ясно, что он, Азиз — неправильный человек, неверный мусульманин!.. Скрывая нахлынувший стыд и испуг, он отпихнул дурачка ногой.

Тот упал. Но подумал, что всадник хочет поиграть с ним. Засмеялся. Поднял оброненный подсолнух. Встал. Одной рукой схватился за стремя, а другой стал снова совать Азизу цветок.

Неожиданно для всех и себя самого Азиз выхватил саблю и взмахнул ею.

Рука с подсолнухом упала в пыль.

Брызнувшая во все стороны кровь тут же скаталась в серые шарики.

Азиз выдохнул. И успокоился.

